

Здравствуйте, уважаемый Виктор Васильевич!

После того как я узнал о награждении моего друга поэта Игоря Тюленева православной литературной премией имени святителя Макария, митрополита Алтайского, решил написать Вам. Игорь много и тепло писал мне о Вас. Если мои стихи подойдут журналу «Бийский Вестник», буду рад. Два стихотворения посвящены моему другу и коллеге, уроженцу Бийска иеромонаху Макарию (Комогорову), помощнику главы Издательского Совета РПЦ, с которым мы вместе трудимся в жюри Международного детско-юношеского конкурса «Лето Господне» имени И.С. Шмелёва.

ОТЧЕ

Иеромонаху Макарию (Комогорову)

От полевиц, иван-да-марий,
Веснянок и разрыв-травы
На службу шёл отец Макрий,
И вслед леса впадали в рвы,

Пылятся трудников посадки,
Росли под сводом певчих птах,
И думает в пути монах
О Боровске, Алтае, Вятке...

О том, что ново и не ново,
И к ночи жарко день приник,
О животворной власти слова,
О Господине всех владык,

О том, как жизнь иконописна,
Проста, смиренна, пресвята,
О том, что будет ныне, присно
У всех крестившихся в Христа.

ВЕНЕЦ

Иеромонаху Макарию (Комогорову)

Меча неведомого сила
Вошла в меня по рукоять.
Скажи, когда всё это было?
Мне больше нечего терять?

И почему на перекрёстке
Священных праведных путей
Не вижу русских я людей,
А лишь огонь в кровавом воске.

И почему мой дух-кромешник
Стоит один у Царских врат,
Скрывая поугасший взгляд,
Сжимая вечности трехсвечник.

И почему от колоколен
Исходит звучный перезвон?
И почему я вечно строен
И в крест святой перерождён?

МОЛЧАЛЬНИК

Я знаю на одной из пасек
Живёт задумчивый пчеляк –
Он медовар, аскет и классик,
К нему мне не попасть никак.

Не прерывает он работы,
На разговоры не идёт,
В его руках – живые соты,
В его руках – целебный мёд.

Живёт один, в тиши, неброско,
Обходит борти, дупляки.
Он знает: люди далеки,
Они, как свечи, все из воска.

Их жизнь – огонь, они – огарки,
Их души, словно фитили,
Они уходят в глубь земли,
Как мёд в старинной медоварке.

БЛАГОТВОРЕЦ

*Схиархимандриту Рождества Богородицы
Свято-Пафнутьева Боровского Монастыря
Власию (Перегонцеву)*

И солнца луч мертворождён,
И холод нагнетает пытки,
И всё же требует подпитки
Листва, спадающая с крон.

Скажите мне: а можно ей
Чего-то требовать в приплясе
И падать в дождевой проказе,
Забыв о крепости ветвей,

И умолять кого? О чём?
Листвы смердеет позолота,
И время вьюжного подлёта
Предсказано календарём.

И что листва оставит нам?
Кого, прощаясь, обессилит?
Кто будет, раненный навывлет,
Вверять болезни образам?

И чья смиренно теплота,
Когда рассвирепеют стужи,
И станет всем безвольно хуже,
Летит сквозь темень от скита?

Кто в разночтенье катавасий
Окажется с тобой вблизи?
Ты сердце тихо расспроси,
Оно ответит: старец Власий.

* * *

Вновь ломая задвижки, замки,
Пролетая в прабабкины нычки,
Прорываются в ночь сквозняки,
И разносятся их переклички.

Что им верность обветренных рам?
Что им крепость простуженных стёкол?
Каждый мне в полнолуние проокал,
Что подветренным служит мирам.

И тревожит мой сон злой озноб,
И маячат разнузданно хвори,
Но три пальца ложатся на лоб,
Защищая знамением вскоре.

ПЕРВОКРЕСТИТЕЛЬ

*Святому преподобному
Герману Аляскинскому,
всея Америки чудотворцу*

Он слышит ангелов подсказки,
Его словам, пришелец, верь.
Родным он стал хребтам Аляски,
И алеутки-черноглазки
Зовут его отцом теперь.

К нему креолы и тлинкиты
Бредут, уставшие от бед,
И ждут молитвенной защиты,
И каждый будет обогрет
Несуетно, без волокиты.

Едят из рук его медведи,
И ласки ждет суровый бык,
И горностаи, словно дети,
Не забывают об аскете,
Чья жизнь — страданий чистовик.

В мольбах на острове Еловом,
Где землю обнимает мох,
Где океана шумный вздох,
Пропитан озаренным словом,
Векам слышны монах и Бог.

* * *

Я знаю, что прибуду очень скоро,
Я к переменам сказочным привык.
Мне улыбнётся хмурый снеговик,
И обнесёт наветами падёра.

Снежинки будут учащённо злиться,
И, тень бросая по моим следам,
Горбун-фонарь со взором ясновидца
Разделит мою ночь напополам.

Деленье это не дано исправить,
И в тихих полукружьях темноты
Холодный свет, в котором я и ты,
Воды остаток превращает в наледь.

РАЗНОЗИМЬЕ

Для надрывных и горестных спевок
В ледяной заколдованный круг
Зимний вечер собрал, будто девок,
Голосистых метелей и вьюг.

Я зажат, как в тиски в круге первом,
Злобно плачут метели навзрыд —
Лишь одна среди хора молчит
И не верит гуляющим стервам!

Вьюги воют морозно на ухо,
И вращаюсь я в круге втором.
Вечер темным предстал певуном —
И лишился я речи и слуха.

Показалось мне: в горе столетий
Этот вечер виновен да я.
И в сугробах сомкнулся круг третий,
И небес разошлась полынья.

* * *

Колдует мне зима
Вселенские снега,
Она сошла с ума,
Подслепаемая карга.

Шепчу ей: «Не спеши,
Замедли вьюжный ход!»
Но часть моей души
За ней ушла под лёд.

Ей, видно, невдомёк,
Она увлечена,
И я – её снежок,
Часть облачного льна,

Часть ледяной крупы,
Серебряных недель...
Синеющей тропы,
Я – снег, покрывший ель.